

© 2021

Дмитрий Егоров

доктор философских наук, профессор Псковского филиала Академии ФСИН России и Псковского государственного университета (г. Псков, Россия)
(e-mail: de-888@ya.ru)

О МЕТОДОЛОГИИ МЕЙНСТРИМА: ДЕГРАДАЦИЯ НАУЧНОГО МЕТОДА ИЛИ ЗАЩИТА STATUS QUO В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ?

Дана критическая интерпретация процессов, происходящих в последние десятилетия в методологии основного направления экономической теории. Высказывается гипотеза, что наблюдаемая девальвация понятия «истина», толерантность к противоречиям частных теорий, etc. есть форма защиты «твердого ядра» экономической теории (и, через это – идеологической защитой всей мировой финансово-экономической архитектуры). Сделан вывод, что выход из теоретического кризиса экономической теории находится не в размывании тысячелетних стандартов научности, а в возврате к оним.

Ключевые слова: мейнстрим, методология, наука, неоклассическая теория, парадигма, принцип, экономическая теория.

DOI: 10.31857/S020736760016808-7

С последней четверти XX века в мировой экономической науке практически полностью доминирует неоклассическая экономическая теория¹. Ввиду своего особого статуса в последние десятилетия зачастую ее обозначают термином «экономический мейнстрим». Мейнстрим является теоретической основой современного финансово-экономического порядка: идеологией МВФ, ВТО, – и вообще лежит в основе архитектуры мировой экономики. Иными словами, экономический мейнстрим является одним из существенных элементов идеологии глобализации (тех ее форм, которые доминируют в мире после развала СССР).

В то же время многие авторы, весьма авторитетные и титулованные [4–7], указывают, что современный финансово-экономический порядок организован в мире таким образом, что страны ядра мировой экономики (так называемый «золотой миллиард») имеют существенные экономические преференции. Масштаб и значимость проблемы дисбалансов мировой экономики [8] таковы, что неоднократно озвучивалась и на высшем политическом уровне. Так, в качестве одной из главных целей образования БРИКС декларировано «общее стремление партнеров по БРИКС реформировать устаревшую международную финансово-экономическую архитектуру...» [9].

Задача реорганизации мирового финансово-экономического устройства предполагает адекватный теоретический базис. Экономический мейнстрим

¹ В формах монетаризма [1], теории рациональных ожиданий [2], нового неоклассического синтеза [3], др.

достаточно давно подвергается жесткой критике. Вероятно, главный пункт этой критики – неадекватность аксиом и принципов, лежащих в основе мейнстрима². В настоящей статье предполагается критически рассмотреть другой аспект проблемы адекватности основного течения экономической теории: дать критическую интерпретацию процессов, происходящих в последние десятилетия в методологии мейнстрима. Имеются в виду тенденции к девальвации понятия «истина», толерантности к противоречиям частных теорий, постмодернистским «деконструкциям», etc. [см., например: 13–16].

В частности, текст статьи посвящен обоснованию тезиса: то, что внешне можно интерпретировать как деградацию научного метода, по сути, является защитой «твердого ядра»³ теории мейнстрима (и, через это – защитой всей мировой финансово-экономической архитектуры).

Для адекватного понимания вышеобозначенных процессов и явлений необходимо их рассмотрение в более широком контексте развития философии науки в целом: понимания, что есть наука в своей сущности.

О научном методе (в целом). Мышление – атрибут человека, отличающий его от животных.

Человека можно определить как существо, живущее в 2-х мирах – материальном (назовем его, следуя К. Попперу [17], 1-м миром) и идеальном (2-м мире – то есть, в мире мысли, или идеальных моделей)⁴, и способное свободно переходить из одного мира в другой. Эта свобода есть важнейшее отличие человека от животных – животные тоже могут обрабатывать информацию во 2-м мире (по заданным в виде рефлексов программам), но, в отличие от человека, не могут самостоятельно разрывать поток взаимодействий, чтобы, оперируя знаками в сознании, создать *новую* модель реальности [18. С. 4–6].

Создание модели реальности, адекватно отражающей оную (то есть создание модели истинной), или заимствование ее (из какого-то источника, признаваемого истинным), есть не просто возможность мышления. Это – условие выживания как отдельного человека, так и человечества в целом. Это то, что сделало человека «царем природы» (поставило на вершину экологической пирамиды питания).

В конечном счете, это экзистенциальная потребность человека.

Любой человек, в том числе человек, никогда не проходивший систематического обучения, имеет модель реальности (картину мира), лежащую в основе его поведения. В случае отсутствия систематического обучения картина

² Большое количество авторов уже не одно десятилетие (особенно активно – после кризиса 2008–2009 годов) указывают на искусственность принципа априорной равновесности рынков в частности и неадекватность неоклассической аксиоматики в целом [7, 10–12]; на то, что даже минимальное несовершенство или асимметрия распределения информации ведет к «провалам рынка» [6] и т.д.

³ В терминах методологии научных программ И. Лакатоса.

⁴ Здесь мы не рассматриваем вопрос о природе этого второго мира – для нас достаточно установления его наличия.

мира индивида состоит из набора образов, в значительной степени связанных с его личностным жизненным опытом. В то же время для повышения эффективности как воздействия на мир, так и взаимодействия, весьма желательно, чтобы модели реальности отдельных индивидуумов были интересосубъективны.

Социальный институт науки служит именно этим целям: верификации, развитию, детализации и передаче интересосубъективной модели реальности. Способ, которым это достигается: замещение в картине мира образов на *теории*. То есть: *формализация* модели мира.

В рамках европейской цивилизации систематически и в явном виде этот процесс был начат в Древней Греции в школах Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля. Способом получения достоверного и интересосубъективного знания стал теоретический метод (которым поначалу наука и ограничивалась). Идея теоретического метода в том, что для получения истинного знания необходимо: а) принятие за основание для выводов утверждений, несомненно истинных: аксиом и принципов; б) выведение следствий строго по правилам логики, что подразумевает, в том числе однозначное определение всех терминов и понятий⁵.

Важно отметить, что содержащийся в классической логике запрет на противоречие («не может быть одновременно истинными утверждение и его отрицание») имплицитно предполагает принцип единства мира (единства во времени и пространстве законов, лежащих в основе упорядоченности бытия).

От Платона до Декарта [21] идеалом науки было создание целостной аксиоматики, из которой вытекали бы абсолютно достоверные теоремы, описывающие все аспекты реальности. Однако этот заманчивый идеал оказался недостижим: в Новое время становится ясным, что всю совокупность знаний о природе и человеке нельзя вывести из очевидных истин⁶.

В результате, наука вынужденно дополняется *эмпирическим* методом: теория, построенная на не вполне очевидных основаниях (гипотетико-дедуктивная), принимается, если проходит проверку сопоставлением ее

⁵ Правила логики были эксплицированы и формализованы Аристотелем. Как было показано значительно позже, правила классической (аристотелевой) логики следуют из свойств операций над множествами (см., напр.: [19–20]).

Вопрос следующего уровня а почему мир устроен так, что в нем выполняются аксиомы теории множеств – в целом выходит за рамки нашего исследования; нам достаточно констатации факта соответствия классической логики и онтологии. Однако, важно отметить, что это соответствие логики и теории множеств, с одной стороны, – и мира как такового (как в целом, так и любой его части), с другой, – и есть то, что делает возможным науку как таковую.

⁶ Математика и логика к началу XX века были практически полностью аксиоматизированы. Но уже физика от этого идеала достаточно далека.

Последняя попытка этот идеал реализовать (постановка задачи полной аксиоматизации всех научных дисциплин) была предпринята Гильбертом в начале XX века [22]. Гильберт здесь, впрочем, преуспел не больше Декарта.

В экономической теории попытки полной аксиоматизации имели место во второй половине XX века (на основе теории общего экономического равновесия Эрроу–Дебре [23], а также в рамках прагматологического подхода неоявстрийской школы), – и также безуспешно.

выводов с фактами⁷: до момента, пока очередная опытная проверка ее не фальсифицирует [24].

Важно подчеркнуть: и в эмпирическом методе первичны теории. Эксперимент служит инструментом проверки теории, но в ее отсутствие он просто невозможен (немыслим). То есть, экспериментальный метод (ставший частью науки в Новое время) – это развитие и обогащение способов получения истинного знания, формализованных в античности, а вовсе не разрыв традиции (тем более – не создание ее заново).

Таким образом, научный метод предполагает три условия получения достоверного знания:

1) Принятие при построении теорий оснований, отражающих сущностные свойства предметной области теории⁸.

2) Построение выводных предложений по правилам логики. Это предполагает как строгое определение всех понятий, так и взаимную непротиворечивость теорий: теория должна быть согласована с теориями более высокого (низкого) уровня, что и делает непротиворечивой научную картину мира в целом.

3) Соответствие выводных предложений теории (теорем) и фактов, то есть эмпирическая (по возможности, количественная) проверка истинности.

Каких-то принципиально иных способов получения достоверного знания в рамках научного метода нет⁹.

⁷ Факты получаются либо просто наблюдением, либо наблюдением в специально созданных условиях: это, собственно, и есть эксперимент, или эмпирия, – что и дало название второму главному методу научного познания.

⁸ Аргументом в пользу истинности оснований теории может быть их очевидность (то есть их семантическая истинность). Но выбор очевидных оснований: i) не всегда возможен (так, принципы квантовой механики с точки зрения здравого смысла парадоксальны); ii) «очевидность» может оказаться ложной: так, для разрешения парадоксов в основаниях математики, выявленных к началу XX века, Цермело предложил аксиому выбора. Аксиома эта достаточно «очевидна»: она постулирует возможность выбора из любой совокупности непустых множеств по одному элементу, и образования из отобранных элементов нового множества. Однако из нее прямо следует возможность разбить сферу на 4 части, и из полученных частей собрать 2 новые сферы того же размера, что и исходная [25. С. 138]. Именно из-за этого «парадокса сферы» (очевидно противоречащего здравому смыслу) многие математики отказываются от использования аксиомы выбора.

⁹ Методы можно выделять десятками (названий существует множество); однако при анализе их существа любой частный метод либо сводится к 1–3, либо оказывается за пределами науки. Пример: метод герменевтический (попытка прочувствовать, что автор какого-либо текста «на самом деле» хотел сказать). Это не значит, что мы считаем герменевтический метод «неправильным», – это значит, что мы считаем его не научным, а философским, культурологическим, ибо наукой гуманитарное знание не исчерпывается.

Отметим также в плане дискуссии со сторонниками представлений о том, что формы теории, принятые в естествознании, не годятся для общественных наук, в том числе для экономики [26]: выделенные нами способы построения истинных моделей реальности (теорий) характеризуют науку вообще, а не только лишь естествознание. В естествознании идеал научности был реализован раньше, чем в науках общественных. Но изначально идеал построения теории был реализован не в естествознании, а в рамках математики (геометрия Евклида), и идеал этот был (и остается) прообразом и для естествоиспытателей (Галилей),

Почему научные теории строить сложно. Сформулированные в предыдущем разделе тезисы (1–3) достаточно просты, но из этого не следует, что их практическое применение тоже просто.

Сложности построения теорий можно, по нашему мнению, свести к двум принципиальным проблемам:

А) как найти основания теории (принципы, аксиомы, базовые модели);

Б) что именно следует менять в теоретической картине мира при появлении факта, с ней не согласующегося (проблема Дюгема).

(А) Изначально поиск первичных принципов Платон трактовал как воспоминание души о мире идей¹⁰. Философ (ученый) – это тот, кто обладает свойством непосредственного видения истины, которая затем доносится до других людей в форме доказательства теорем, и вообще теоретического знания. В средние века этот подход выродился в схоластический выбор оснований для теорий: их стали формально искать в текстах Библии и работах Аристотеля.

Реакцией на схоластику стал эмпиризм Фрэнсиса Бэкона и его последователей: то есть стремление находить принципы теорий индуктивно (обобщением фактов) [28]. В XIX веке Дж. Милль формализовал индуктивную методологию [29. С. 310–323].

Однако этот подход внутренне противоречив: как показал, например, К. Поппер (а ранее – Кант и Юм), только лишь из фактов не следует ничего, потому что «индуктивный вывод» уже предполагает некое общее положение как свое основание (подобно тому, как груда кирпичей в отсутствие проекта никогда «индуктивно» не образует дом). Сам Поппер вопрос о том, откуда берутся принципы теорий, выносил за рамки науки (подчеркивая, однако, что они определенно не являются «индукцией из фактов» [30. С. 299, 336]).

Можно констатировать: и в случае, если мы принимаем ту или иную форму платонизма¹¹, и в случае, если мы трактуем принципы и аксиомы науки как интуитивное конструирование, – нахождение принципов есть процесс неформализуемый. Это акт чистого творчества, а не результат какого-либо универсального интеллектуального алгоритма.

(Б) Проблема Дюгема (в англоязычной литературе именуемая тезисом Дюгема–Куайна) заключается в невозможности «решающего эксперимента», однозначно опровергающего или подтверждающего какую-то конкретную гипотезу: ученый «не может подвергнуть контролю опыта одну какую-нибудь

и для гуманитариев (вспомним Спинозу: его основной труд «Этика» по форме есть очевидное подражание Евклиду).

Конечно, науки общественные имеют свою специфику: зачастую количественная проверка гипотез оказывается весьма сложной (и приходится удовлетворяться проверкой качественной), но это не меняет существа научного метода и его цели (построения модели мира, как можно более адекватной прообразу).

¹⁰ Истинное знание есть «...припоминание того, что некогда видела наша душа, когда она сопутствовала Богу» [27. 249 с.].

¹¹ То есть признаем объективность мира общих идей [31–32].

гипотезу в отдельности, а всегда только целую группу гипотез. Когда же опыт его оказывается в противоречии с предсказаниями, то он может отсюда сделать лишь один вывод, а именно, что, по меньшей мере, одна из этих гипотез неприемлема и должна быть видоизменена, но он отсюда не может ещё заключить, какая именно гипотеза неверна» [33. С. 224].

В течение XX века предпринимались многочисленные попытки решить эту проблему: найти какие-то методологические правила, которые бы ясно указывали, как именно проверять и сравнивать гипотезы, как организовать «решающий эксперимент», etc. Наиболее известные и влиятельные попытки такого рода были предприняты К. Поппером и И. Лакатосом. Вся философия науки К. Поппера есть, в сущности, попытка решить проблему Дюгема путем нахождения неких методологических правил. В частности, Поппер предлагал заранее устанавливать критерии опровержения теории: «следует договориться относительно того, какие наблюдаемые ситуации, если они будут действительно наблюдаться, означают, что теория опровергнута» [24. С. 247]¹², и считал это одним из центральных элементов своей концепции¹³.

Следует признать, что попытки преодолеть проблему Дюгема нормативными предписаниями (создать *универсальный* критерий для выбора предпочтительной теории) оказались утопичными, и утопичны они, по нашему мнению, в принципе¹⁴. Как показал еще ученик Поппера (а впоследствии – его жесткий оппонент) П. Фейерабенд, рациональные стандарты попперовского критического рационализма нарушались в процессе развития науки множеством раз, и, что особенно важно, эти стандарты *должны* были нарушаться: «Строгое соблюдение правил не улучшило бы дела, а задержало прогресс науки» [35. С. 473]¹⁵.

¹² Иными словами, К. Поппер предлагал запрет на гипотезы ad hoc (в других работах он использовал как синонимы «вспомогательным предпосылкам ad hoc» понятия «конвенционалистские стратагемы» и «иммунизирующие стратагемы»)(см.: 34. С. 64).

¹³ «...методологические ограничения не являются избыточными приложениями к попперовской философии науки; наоборот, они относятся к ее базовым элементам» [34. С. 64].

¹⁴ Интересно отметить, что К. Поппер прекрасно понимал невозможность существования *универсального* критерия истины [30. С. 444–447], и справедливо указывал, что «отсутствие критерия истины не в большей степени лишает понятие истины смысла, чем отсутствие критерия здоровья делает бессмысленным понятие здоровья». [30. С. 446]. Однако в области методологии Поппер приложил огромные усилия, пытаясь решить столь же утопическую задачу создания *универсального* критерия для выбора теорий.

¹⁵ Отметим, что, обоснованно критикуя Поппера за стремление предложить *универсальный* критерий для выбора предпочтительной теории, сам Фейерабенд дошел до откровенного иррационализма (объявления понятия «истина» «зловредным монстром»). Но из того, что, вероятно, невозможно описать один абсолютный критерий выбора, не следует, что рациональных критериев выбора предпочтительной теории нет вообще.

В реальной практике такой выбор осуществляется на основе комплекса критериев, и это комплекс именно *рациональных критериев*. В своей работе «Наука в свободном обществе» их приводит сам П. Фейерабенд: линейность-нелинейность теории, степень логической последовательности, количество аппроксимаций, согласованность с некоей фундаментальной теорией или метафизическим принципом и т.д. [35. С. 503]. Ранее Е.А. Мамчур на основе исследования истории физики показала, что одним из основных методологических регулятивов в познании выступает принцип простоты, и в то же время отметила: «Не привели

О некоторых аспектах методологии современной экономической науки. Теперь рассмотрим, как проблемы (А–Б) решались последние 50 лет в рамках методологии экономического мейнстрима.

(А) Поиск принципов теорий.

Со второй половины XX века среди экономистов-неоклассиков становится популярной методология инструментализма: «принципы могут быть какими угодно, вплоть до очевидного противоречия онтологии реальности — лишь бы дедуцируемая из них теория объясняла факты».

Основоположником современного экономического инструментализма считается М. Фридман, выступивший в 1953 году с программной статьей [38]. Отметим, что сам Фридман занимал достаточно взвешенную методологическую позицию, ограничиваясь тезисом, что принципы теории не являются «фотографиями реальности» (с чем мы полностью согласны): «...вопрос о “предпосылках” теории состоит не в том, являются ли они “реалистичными” описаниями, поскольку таковыми они никогда не являются, но в том, являются ли они достаточно хорошими приближениями к реальности с точки зрения конкретной цели» [38. С. 29]. Сомнительная честь доведения умеренного инструментализма Фридмана до предельного конвенционализма («принципы могут быть какими угодно...») принадлежит его последователям.

Инструментализм последние десятилетия практически стал методологическим стандартом для неоклассической теории.

Мы считаем, что это такой же перегиб (в эмпиризм), как и абсолютизация рационализма в стиле Гегеля: «Если факты противоречат моей теории — тем хуже для фактов...». Из реальных сложностей философского анализа принципов экономических теорий совершенно не следует, что они могут быть «какими угодно». Что вообще значит — теория проверена эмпирически? Это означает, что теория является адекватной моделью какого-то фрагмента реальности (ее выводы соответствуют фактам). Следуя инструментализму (конвенционализму), теория в целом должна быть изоморфна каким-то аспектам реальности, а ее первичные принципы (из которых она целиком и полностью вытекает) могут быть какими угодно? Очевидно, теория именно потому и объясняет факты, что ее принципы отражают¹⁶ какие-то сущностные свойства реальности.

Последние десятилетия наблюдается так называемый «эмпирический поворот» в экономических исследованиях [16], или «эконометриковерие» (доминанция результатов, полученных применением методов математической

к успеху и попытке разработать точные экспликации (исчисления) простоты, способные сыграть роль некоторого идеального канона...» [36. С. 166]. Нами этот вопрос ранее был рассмотрен в [37].

¹⁶ При этом «отражать сущностные свойства реальности» — не значит быть «фотографией» реальности. Геометрия очевидно отражает сущностные свойства пространства, в котором мы живем, но совсем не потому, что реальные линии в самом деле бесконечные и абсолютно ровные. Поэтому первичные принципы не могут быть «какими угодно», они должны быть изоморфны предметной области теории.

статистики, над теорией: теоретические принципы трактуются как условность, не имеющая отношения к реальности [39. С. 16]). По нашему мнению, эта тенденция напрямую связана с многолетним господством в экономическом мейнстриме инструментализма: если принципы теории могут быть «какими угодно», то в конечном счете и теория в целом может быть какой угодно. Но зачем тогда теория вообще нужна? Вполне закономерно, что теоретические принципы начинают восприниматься как условность, не имеющая отношения к реальности, и появляются работы, легитимизирующие такой status quo [40].

Мы считаем, что «эмпирический поворот», конечно, трансформация, но отнюдь не развитие, а достаточно очевидная методологическая деградация. Обоснуем этот тезис.

Призыв к фактическому отказу от теоретического метода (и замещения гипотетико-дедуктивных теорий эмпирическими обобщениями) отнюдь не нов: это лозунг позитивистов конца XIX – начала XX веков. Ограниченность и тупиковость этого подхода были неоднократно продемонстрированы в XX веке, в частности, в вышеупомянутых работах К. Поппера. Но «эмпирический поворот» является регрессом более глубоким, ибо в его рамках не просто принижается значение общих теорий, но считается вполне допустимым противоречием частных теорий между собой, что приводит к идеям «множественности истин»: «...экономисты не испытывают дискомфорта, находясь в рамках балканизированной реальности и прямо противоречащих друг другу эконометрических оценок» [16. С. 18].

По этому поводу отметим следующее. Наука дает образ мира: в виде иерархии теорий, от фундаментальных до частных. При этом согласованность теорий между собой (через их сводимость к теории фундаментальной) делает образ целостным и непротиворечивым. Ситуация, когда отдельные теории не согласуются между собой, в процессе развития науки, конечно, неоднократно возникала, но всегда трактовалась как кризис и предполагала усилия по созданию более общей теории, снимающей такого рода противоречия. Если же научная картина мира исследователя толерантна к противоречиям (отрицает принцип единства мира), – это есть переход ее носителя от мышления понятийного к прото-логическому мышлению¹⁷: ведь это есть, в сущности, отказ от двух основных законов логики (запрета на противоречие и исключенного третьего). Поэтому, как только начинаются рассуждения о «множественности истин», «субъективности истины», etc, территорию науки (в традиционном смысле этого слова) мы покидаем.

(Б) Во второй половине XX века нормативный подход Поппера к решению проблемы Дюгема (выбора теорий, наилучшим образом соответствующих фактам) активно пропагандировался в экономической теории [34]. В конечном счете

¹⁷ Как у членов архаических племен, в мышлении которых нормы классической логики действительно постоянно нарушаются [41].

попперианский нормативизм научным экономическим сообществом был отвергнут¹⁸ [43. С. 231–235], по нашему мнению, это вполне адекватно и обоснованно. С конца XX века практическим методологическим стандартом в экономике стал методологический плюрализм: исследователь может следовать такой методологии, какую считает наиболее адекватной, при условии, что эту свою методологию он ясно эксплицирует. Однако методологический плюрализм должен оставаться методологическим: мы имеем в виду, что *методологический плюрализм не должен выходить за рамки науки*. А смысл науки – в поиске истины, иными словами, построении истинных моделей реальности.

Отказ от методологического нормативизма в экономической науке привел к тому, что маятник качнулся в противоположную сторону: пришла мода на всякого рода постмодернистские «деконструкции», риторические исследования, etc. [13. С. 51], а это есть тенденция к инфляции понятия «истина»¹⁹.

А теперь вернемся к сформулированным в первой части нашей работы трем условиям получения достоверного знания, к которым сводится научный метод. И обратим внимание на следующий тренд:

а) инструментализм в своей развернутой форме («принципы теории могут быть какими угодно, и вообще не подлежат обсуждению и проверке») – есть отказ от проверки теорий по условию (1);

б) «эмпирический поворот» есть отказ от условия согласованности частных теорий между собой, и их сводимости к теории общей, – то есть отказ от условия (2);

в) «риторический поворот» (в своей крайней форме объявляющий любую теорию просто набором «басен», «вдохновляющих историй» [15; 40. Р. 17]) есть отказ от условия (3).

Это тренд «методологического прогресса»?

Или последовательного разрушения понятийного мышления?

Что означают изменения в методологии экономической теории: наша философская гипотеза. Казалось бы, вышеобозначенные тенденции в методологии современной экономической науки можно охарактеризовать просто как деградацию научного метода. По нашему мнению, однако, это было бы слишком примитивным и не вполне верным объяснением.

Наша гипотеза следующая: обсуждаемые тенденции есть способ защиты «твердого ядра» современного экономического мейнстрима.

Что есть твердое ядро современного мейнстрима? Очевидно, это утверждение об «эффективности рынков», формализованное как теория общего экономического равновесия [23]: «рынок сам по себе обладает свойством приходить

¹⁸ Так же, как и в «большой» философии науки [42].

¹⁹ В исследованиях такого рода отказ от понятия объективности истины может быть как имплицитным, так и демонстративно эксплицитным [15].

в состояние оптимального равновесия». Гипотеза «эффективных рынков» лежит в основе макроэкономического регулирования во многих странах мира²⁰.

Защита «твердого ядра» (парадигмы) может проводиться путем отбрасывания и трансформации частных теорий, выдвижения объяснений *ad hoc* для отдельных «неудобных фактов», etc. Но возможна и другая стратегия: выдвижение таких методологических правил, которые сами по себе будут выводить «твердое ядро» соответствующей парадигмы (в нашем случае – неоклассической) из-под огня научной критики.

Первое, что следует отметить в рамках обоснования нашей философской гипотезы: знаменитое эссе 1953 года М. Фридмана было написано с целью защитить неоклассическую теорию от критики предпосылки (важной для теории совершенной конкуренции) о максимизации прибыли предпринимателями (она не подтверждалась опросами самих предпринимателей). Заметим, что в своей первоначальной форме («принципы не должны и не могут быть “фотографией реальности”») защита неоклассики Фридманом была вполне адекватна. Но между утверждениями «не быть точной фотографией реальности» и «прямо противоречить реальности» – принципиальная разница. Последователи Фридмана трансформировали методологию инструментализма в утверждение, что принципы экономической теории могут быть какими угодно (если есть факты, подтверждающие теорию)²¹. На этом основании критика монетаризма и теории рациональных ожиданий («новой классики») за абсолютную неправдоподобность их предпосылок стала отвергаться «с порога» как «методологически ошибочная»²². Инструментализм стал эффективным средством защиты твердого ядра мейнстрима.

Когда в результате кризиса 2008 года на неоклассическую теорию обрушился вал критики за неспособность предсказать события такого масштаба [47], инструменталистский способ защиты стал неадекватен: речь шла уже не столько о неправдоподобности предпосылок, сколько о вопиющем разладе теории мейнстрим с фактами. И появляется мода на отказ от увязки данных эконометрических исследований с общей теорией («эмпирический поворот»;

²⁰ Это делается в форме предположения о том, что экономика стремится к точке равновесия в будущем, что лежит в основе экономико-математических DSGE-моделей, а они последние 20 лет стали фактически стандартным инструментом большинства ЦБ [см.: 44–45].

²¹ Интересно отметить, что сам Фридман от дальнейших методологических дискуссий, как правило, уклонялся [46. С. 189].

²² Например, авторитетный экономист и методолог М. Блауг в своей известной работе [34] критикует новую классическую макроэкономику за неправдоподобие ее принципов, объявив «серьезной методологической ошибкой». Далее там же Блауг сделал еще более фантастическое заявление: «История науки (и экономической теории) полна мощных, влиятельных и долгоживущих теорий, основанных на предпосылках, которые стали считать правдоподобными лишь в результате долгого повторения» [34. С. 311]. Здесь следует заметить, что продвижение научной концепции непрерывным повторением тезиса (пока он не проникнет в массовое сознание как «истина»), характерна именно для возврата неоклассической теории в 70–80-е годы XX века: продвижение в СМИ либерально-монетарных идей «обосновывалось» в существенной степени рефреном «альтернативы нет» (английская аббревиатура TINA).

декларации о «горизонтальном прогрессе» экономического знания [40], etc). Казалось бы, «эмпирический поворот» снижает значимость общей теории (твердого ядра неоклассики). Но в действительности эта методологическая стратегия твердое ядро неоклассики спасает: ведь если признавать необходимость соответствия эконометрических данных и теоретических концепций, то неоклассическая теория после своего провала 2008 года должна подлежать замене (как минимум кардинальной трансформации). Тезисы, что «общая теория вообще не нужна», или что «общая теория, может, и нужна, но ее разработка утопична» (в силу якобы крайней сложности и изменчивости современной экономики) снимают необходимость замены неоклассической теории какой-то иной, и тем самым роль твердого ядра в основном направлении современной экономики за неоклассикой сохраняют²³.

Хотя при проведении конкретных исследований теоретическое ядро мейнстрима последователями «эмпирического поворота» практически игнорируется, именно оно продолжает определять основные черты макроэкономической политики ВБРР, МВФ, и ЦБ большинства государств мира. И именно по неоклассическим учебникам продолжается обучение будущих менеджеров, экономистов, политиков, формируя у них общую картину мира в соответствии с догмами неоклассики.

Какие выводы мы делаем из вышеизложенного?

Прежде всего, следует отметить, что мы в принципе не согласны с тезисом, что наука – это проект, который был создан некими решениями элит несколько сотен лет назад, а теперь подошел к своему концу [16. С. 33]. Наука – это фундамент нашей цивилизации, заложенный тысячи лет назад. Конец науки – это конец нашей цивилизации.

Основа науки – принцип единства мира. Принятие идеи о «множественности истин» приводит к выходу за рамки науки. Выход из теоретического кризиса экономической теории (а таковой, мы считаем, явно имеет место) находится не в размывании тысячелетних стандартов научности (в форме «эмпирического поворота», «риторического поворота», постмодернизма, etc), а в возврате к оним.

Как именно? Разработкой новой фундаментальной экономической теории микро- и макроуровня²⁴.

²³ Так, апологет «эмпирического поворота» и «горизонтального прогресса» в экономике Д. Родрик, объявляя теоретические модели «баснями», настаивает на наличии у этих басен морали, – и мораль эта оказывается апологетической для мейнстрима: «свободные рынки эффективны...» [40. Р. 17]. Это очевидно коррелирует с известным утверждением лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглица, что западные экономисты уже давно не столько ученые, сколько «группа поддержки капитализма» [6. С. 288].

²⁴ Как могла бы выглядеть такая теория, изложено автором данной статьи в [48–49].

Литература

1. Фридман М. Количественная теория денег // М.: Дело, 1996. 132 с.
2. Lucas R. Expectations and the Neutrality of Money // Journal of Economic Theory. 1972. No. 4. P. 103–124.
3. Woodford M. Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis // American Economic Journal: Macroeconomics, 2009. No. 1. P. 267–279.
4. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности // М.: ИНФРА–М. 1999. 262 с.
5. Хомский Н. Прибыль важнее людей: Неолиберализм и мировой порядок // М.: Практикс. 2002. 248 с.
6. Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса // М.: ЭКСМО. 2011. 510 с.
7. Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новом технологическом и мирохозяйственном укладах // М.: Книжный мир. 2018. 765 с.
8. Звонова Е., Кузнецов А. Фундаментальные дисбалансы в мировой финансовой архитектуре // Российский экономический журнал. 2016. № 4. С. 19–31.
9. Концепция участия России в объединении БРИКС. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 21 марта 2013 // URL: www.kremlin.ru/events/president/news/17715 (обращение: 01.06.2021).
10. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Кейнс Дж. М. Избранные произведения // М.: Экономика. 1993. С. 224–518.
11. Полтерович В.М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. 1998. № 1. С. 46–66.
12. Grinberg R., Rubinstein A. Economic Sociodynamics // Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2005. 190 p.
13. Болдырев И.А. Экономическая методология сегодня: краткий обзор основных направлений // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 9. С. 47–70.
14. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука // М.: Изд-во Института Гайдара. 2015. 352 с.
15. Макклоски Д. Риторика экономической науки // М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Международные отношения. 2015. 328 с.
16. Кошовец О.Б. «Горизонтальный прогресс» экономической науки: между конструируемой реальностью и технаукой: Научный доклад // М.: Институт экономики РАН. 2019. 47 с.
17. Popper K. Objective knowledge: An evolutionary approach // London, Oxford University Press. 1972. 390 p.
18. Егоров И.А. Принцип свободы как основание общей теории регуляции // Вопросы философии. № 3. 2000. С. 2–10.
19. Григорьев В.Б. Классическая логика // М.: ВЛАДОС. 1996. 192 с.
20. Турчин В.Ф. Феномен науки // М.: ЭТС. 2000. 368 с.
21. Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями // М.: АН СССР. 1953. 273 с.
22. Гильберт Д. Математическое мышление / Методологический анализ оснований математики // М.: Наука. 1988. С. 97–104.
23. Arrow K.J., Debreu G. Existence of Equilibrium for a Competitive Economy // Econometrica. 1954. V. 22. P. 265–290.
24. Поппер К. Логика научного исследования / Поппер К. Логика и рост научного знания // М.: Прогресс. 1983. С. 33–235.
25. Виленкин Н.Я. В поисках бесконечности // М.: Наука. 1983. 160 с.

26. *Ефимов В.М.* Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики // М.: ИНФРА-М. 2016. 352 с.
27. *Платон.* Федр – URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/21fedr.htm> (дата обращения: 18.06.2021)
28. *Vason F.* Novum organum Instauratio magna // London: John Bill, 1620. 364 p.
29. *Милль Дж. С.* Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования // М.: ЛЕНАНД. 2011. 832 с.
30. *Поппер К.* Открытое общество и его враги / Т. 2 // М.: Феникс. 1992. 528 с.
31. *Пенроуз Р.* Тени разума: в поисках науки о сознании // М.: Институт компьютерных исследований. 2005. 688 с.
32. *Целищев В.В.* Математический платонизм // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8. № 2. С. 492–504.
33. *Дюгем П.* Физическая теория: её цель и строение // М.: КомКнига. 2007. 328 с.
34. *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют // М.: НП «Журнал Вопросы экономики». 2004. 416 с.
35. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки // М.: Прогресс. 1986. 542 с.
36. *Мамчур Е.А.* Проблема выбора теории. К анализу переходных ситуаций в развитии физического знания // М.: Наука. 1975. 231 с.
37. *Егоров Д.Г.* Если парадигмы несоизмеримы, то почему они все-таки меняются? // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 102–110.
38. *Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 20–52.
39. *Капелюшников Р.И.* О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения / Куда движется современная экономическая наука? // М.: Институт экономики РАН. 2018. С. 8–33.
40. *Rodrik D.* Economic Rules: The Rights and Wrongs of the Dismal Science // New York: W.W. Norton & Company. 2015. 272 p.
41. *Левин-Строс К.* Первобытное мышление // М.: Республика. 1994. 384 с.
42. *Степин В.С.* Теоретическое знание // М.: Прогресс-Традиция. 2000. 744 с.
43. *Хэндс Д.У.* Поппер и Лакатос в экономической методологии / Философия экономики. Антология // М.: изд. Института Гайдара. 2012. С. 227–246.
44. *Андреанов Д.Л., Шульц Д.Н., Ощепков И.А.* Динамические стохастические модели общего экономического равновесия // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 7(67). С. 31.
45. *Автономов В.С.* Экономическая теория до и после Великой рецессии / Экономическая теория: триумф или кризис? // СПб.: АНО «Леонтьевский центр». 2018. С. 7–15.
46. *Бергин Э.* Великая революция идей. Возрождение свободных рынков после Великой депрессии // М.: Мысль. 2017. 326 с.
47. *Кэй Дж.* Карта – не территория: о состоянии экономической науки // Вопросы экономики. № 5. 2012. С. 4–13.
48. *Егоров Д.Г.* О теоретической альтернативе экономическому мейнстриму // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 7. С. 70–78.
49. *Егоров Д.Г., Егорова А.В.* О построении неравновесной микротехории // Общество и экономика. № 2, 2020. С. 18–33.

Dmitriy Egorov (e-mail: de-888@ya.ru)

Grand Ph.D. in Philosophy Professor,

Academy of Federal Penal Service of Russia (Pskov Branch) & Pskov State University (Pskov, Russia)

ON MAINSTREAM METHODOLOGY: THE DECLINE OF THE SCIENTIFIC METHOD OR THE ADVOCACY OF THE STATUS QUO IN ECONOMICS?

In the article a critical interpretation of the processes taking place in recent decades in the methodology of the mainstream economics is given. It is hypothesized that the observed devaluation of the concept of «truth», tolerance to the contradictions of particular theories, etc. is a form of protection of mainstream economic theory hard core (and, through this – the ideological protection of the entire world financial and economic architecture). It is concluded that the way out of the theoretical crisis of economic theory is not in the erosion of the millennial scientific standards but in the return to them.

Keywords: economic theory, mainstream, methodology, neoclassical theory, paradigm, principle, science.

DOI: 10.31857/S020736760016808-7